

Таким образом, Индия встала на путь демократизации, однако традиции в Индии сохраняются и играют немаловажную роль.

Литература

1. Артхашастра // Вигасин, А. А., Самозванцев А. М. Артхашастра. Проблемы социальной структуры и права. – М.: Наука, 1984.
2. Законы Ману. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 216 с.
3. Самозванцев А. М. Индийская женщина в литературе дхармашастр // Индийская жена. – М.: Восточная литература, 1996. – 70 с.

УДК 94(420).07:930.2

Ю. А. Хорькова

студент Института общественных наук, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Российская Федерация, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26; e-mail: miss.khorkova@inbox.ru.

РУССКИЕ «ДИКАРИ» НА СТРАНИЦАХ ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК БРИТАНСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: ОБРАЗ РОССИИ КАК КОНСТРУИРУЕМЫЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ

Этнические представления часто представляют собой словесный портрет или образ чужого народа. В отдельных социокультурных слоях одной и той же страны можно найти различные портреты какого-либо чужого народа, тем не менее, между этими портретами чужой страны можно будет найти много общего. Информация, формирующая этнические представления весьма разнообразна, и одним из видов такой информации являются записки путешественников. В данной статье будут рассмотрены записки английских путешественников, совершивших поездки в Россию в первой половине XIX века.

Ключевые слова: записки путешественников, этнические представления, образ России, путешественники.

Y. A. Khorkova

Student, Ural State Pedagogical University.

RUSSIAN «BARBARIANS» ON THE PAGES OF TRAVEL NOTES OF BRITISH TRAVELERS OF THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY: THE IMAGE OF RUSSIA AS A CONSTRUCTED INTELLECTUAL OBJECT

Ethnic representations often represent a verbal portrait or image of another's nation. In some sociocultural strata of the same country, you can find various portraits of some foreign people, nevertheless, between these portraits of a foreign country you can find much in common. Information forming ethnic representations is very diverse, and one of the types of such information are travelers' notes. This article will consider the notes of English travelers who made trips to Russia in the first half of the XIX century.

Keywords: travelers' notes, ethnic representations, the image of Russia, travelers.

В последней трети XVIII в. в Британии среди путешественников возникает концепция «северного тура» как разновидности «большого тура» («Grand Tour») по странам Западной Европы. «Северный тур» включал Скандинавские страны, Россию, Польшу и часть Пруссии. В Россию первоначально ехали с дипломатическими и иными служебными целями. Однако к началу XIX века появляются множество путешествий по причине любознательности и интереса. Одними из таких путешественников были Роберт Джонсон и Роберт Лайал, которые посетили России соответственно в 1814 и в 1815 г.

Роберт Джонсон отправился в европейский «Grand Tour» после своего обучения в Абердине. Примечательно, что Роберт Дж. был человеком, очень пристрастным к путешествиям и помимо России посетил множество стран, после посещения которых непременно издавал журналы, в которых обобщал все увиденное во время своих турне. В 1815 г. в Лондоне вышла его книга под названием «Путешествия по Российской Империи и Польше вдоль южного побережья Балтики». Роберт Лайал ботаник Эдинбургского университета и заядлый путешественник в 1815 г. обосновался в Санкт-Петербурге в качестве врача дворянской семьи. В 1822 г. Роберт продолжал свои путешествия через

Крым и Грузию. После его возвращения в Лондон в 1823 г. была издана книга «Характер русских и подробная история Москвы».

Несмотря на различные временные рамки изданных записок о путешествиях, и, несмотря на различные цели пребывания авторов в России, все же можно проследить некий общий концепт в изображении Российской империи английскими путешественниками.

Важно отметить, что для большинства путешественников, совершавших поездки в Россию, путешествие представлялось не просто как пересечение определенной географической границы, а как пересечение границ цивилизации, путешественники, заступая на территорию Российской империи, словно оказывались в другом историческом времени. Благодаря противопоставлению цивилизации и варварства Российскую империю можно было назвать отсталой, поместив ее в промежутке на шкале относительной развитости. В частности, Роберт Джонсон в своем труде отмечает: «Не более двухсот лет назад Россия стала выходить из состояния ужасного варварства, навстречу к первому шагу грубой цивилизации» [1, с. 289]. Тем не менее, Джонсон указывает, что все же есть территории цивилизованности в Российской империи, этими оплотами развитости являются западные границы империи, которые достигли большего развития благодаря войнам с соседними государствами. Роберт Лайал в своих записках также проводит мысль о том, что Российская империя сможет достигнуть величия только благодаря влиянию европейских стран: «Знания не будут формироваться медленным, нетвердым шагом, потому что Россия уже вступила в контакт с просвещенной Европой, чтобы получить ее мудрость» [2, с. 11].

Чтобы показать отсталость, своего рода варварство русского народа, путешественники приводили различные разоблачающие примеры некультурных манер и обычаев, свойственных русским «дикарям». Но среди этого множества примеров можно выделить основные черты жителей Российской империи, которые, по мнению европейцев, указывали на его отсталость и непросвещенность. В первую очередь путешественники обращают внимание на фанатичную религиозность русских крестьян. Роберт Джонсон обращает внимание на тот факт, что из всех черт русского характера наиболее известна его религиозность, и на эту религиозность направлено все его поведение, русский человек становится невольным заложником своих религиозных обрядов [1, с. 155]. Размышляя о набожности русского человека, Джонсон пишет: «Перед каждой церковью и во многих местах улицы выставляется изображение Богородицы, которое никто не пропускает и все обнажают свою голову, глубоко кланяясь и крестятся. Едва ли не в каждой комнате висит изображение девы Марии. Когда русский входит в комнату, он совершает свой долг перед изображением, прежде чем обратиться к кому-либо. Если его обвиняют в каком-либо проступке, он доказывает свою невиновность путем повторных скрещиваний и мольбы к своему любимому святому. Если он получит какой-либо дар, он выражает свою благодарность, кланяется, крестится и даже целует землю» [1, с. 156]. В то же время, Роберт Джонсон акцентирует внимание на то, что, несмотря на искреннюю набожность русских, все их ритуалы доведены до автоматизма и совершаются исходя из их «окоченелой педантичности» [1, с. 186]. Рассуждая о религиозности жителей Российской империи, Роберт Лайал, в свою очередь, также отмечает ее бессмысленность для общего развития человека: «Покровитель русско-греческой религии делает своих сторонников суеверными и фанатичными, вытесняет искреннюю набожность человека помпезными церемониями, великолепными платьями и яркими свечами, курением кадила, высокопарными речами, и торжественной музыкой, заменяет перекрещиванием и изнеможением, приветствиями и чрезмерными поклонами пред святыми образами, для безмятежного и безгрешного бытия в Божьем царстве» [2, с. 11]. И далее: «У них есть все внешние проявления церковной утвари, но слишком мало практического и внутреннего влияния добродетельной религиозной убежденности; Но, увы! Религиозная убежденность мало влияет на моральное поведение своих приверженцев» [2, с. 11]. Тем самым религиозность русского человека предстают перед читателями данных записок как некий необдуманый образ действий, доведенный до автоматизма и имеющий ценность только во внешней стороне, проявляясь в помпезности и роскоши обрядов.

Еще одним критерием дикости русских людей является вопрос о гигиене простых крестьян, среди записок путешественников мы можем встретить довольно обширные описания о нечистоплотности жителей Российской империи. В этом отношении Роберт Лайал предоставляет своим читателям более обширную информацию по данному вопросу, он пишет в своих записках: «Это слишком печально, признать, что от императора до самого низкого раба во всей обширной империи всех русских, включая всех князей, дворян, священников и крестьян, из тысячи не существует ни одного человека, чье тело лишено паразитов. Меня заверили, в том, что некий господин, проходя верхом на улице, часто видел женщин высокого положения в обществе, которые сидели в окнах своих особняков, выскивая друг у друга паразитов; – это еще одна черта, в дополнение к тому, что я сказал раньше, об их схожести с неаполитанцами» [2, с. 36]. Не оставляет Лайал и без внимания способы, при

помощи которых русские избавляются от данной напасти: «Их тела лишены паразитов, только когда они часто посещают баню. В этих случаях их рубашки и верхняя одежда держаться над горячей плитой, и от жара паразиты падают вниз» [2, с. 36]. Роберт Джонсон же в своей книге ограничивается лишь описанием способов избавления от паразитов, а в частности, он описывает, как русские намазываются специальной жирной мазью, тем самым защищая себя от укусов насекомых [1, с. 317]. Тем не менее, наличие такого явления как паразиты среди различных слоев населения Российской империи рассматривалось путешественниками как проявления варварства и неотесанности, которое было не сопоставимо с их собственным образом интеллигентных английских джентльменов.

Описывая жителей российской империи, путешественники не могли обойти стороной вопрос о характере и некоторых привычках, свойственных простым русским крестьянам. Как бы не отличались свидетельства тех или иных путешественников, в их трудах можно найти общую мысль, а именно идею контрастов и противоречий русского характера. Роберт Джонсон пишет «Ничто больше не привлекает внимание незнакомца при вхождении в российскую столицу, чем появление простых людей, их привычки и манеры занятий. Их черты лица, одежда, язык и орудия их труда, они своеобразны сами по себе; или возможно являются смесью азиатского и европейского» [1, с. 153]. И далее, подчеркивая двойственность русского характера: «Обычный русский, откладывая в сторону его грязный внешний вид, часто является созданием приятным. Он добродушный, веселый и смиренный; редко жалуется на любые трудности и спокойно терпит любое обращение. Он, тем не менее, искусный и вальяжный, склонный к воровству и мошенничеству, лжи и обману» [1, с. 311]. Следуя логике противоречивости и полярности русского характера, Роберт Лайал, в свою очередь пишет: «Русские – притворные и хитрые, лживые и вероломные, чувствительные и аморальные, и расточительные: владея маленькими деньгами, они алчные и скупые; когда они имеют много денег, они щедрые, хвастливые и расточительные» [2, с. 8]. И в то же время, Лайал пишет: «Они веселые, добродушные и общительные: они гостеприимны и милосердны: они любят легкие занятия и развлечения, такие как пьесы, оперы, маскарады...» [1, с. 9].

Возможно, описывая незнакомый народ, путешественник находился перед сложным выбором: следовать давно установившейся в прошлых поколениях концепции контрастов и противоречий в изображении русских жителей, или же изображать описываемый народ таким образом, чтобы точка зрения о малоцивилизованности жителей Российской империи была не так явно выражена в путевых заметках путешественников. К этому можно добавить предположение о том, что путешественник, создавая в своих заметках образ некоего дикаря, имел возможность установить свою идентичность и подтвердить свое превосходство над описываемым народом. Возможно, этими положениями можно объяснить тот концепт противоречивости, который свойственен манере выстраивания образа жителей Российской империи, и который довольно часто встречается среди записок путешественников.

Как уже говорилось ранее, путешественники, совершавшие поездки в Российскую империю, часто представляли себе это событие не просто как пересечение определенной географической территории, а как пересечение территории цивилизованности и вступление на некую территорию «варварства». Помимо приведенных ранее подтверждений, в этом отношении любопытно проследить, как путешественники описывали свое отбытие с территории «отсталости». Роберт Джонсон, выезжая из Санкт-Петербурга, писал о том, что только он пересек границу России, как в окрестностях ему встретились немецкие и голландские купцы, от которых он с удовольствием получил первые разумные известия, с тех пор как покинул Санкт-Петербург [1, с. 428]. Уже находясь в Варшаве, он писал: «На улицах не так много бедности, грязных овечьих шкур не видно и нет ленивых спящих на земле. Среди духовных сановников преобладает активность и их прекрасные лица не изуродованы отвратительной козлиной бородой» [1, с. 433]. Таким образом, выезжая за пределы Российской империи, Джонсон наконец-то вступает, по его мнению, на цивилизованную землю, где более не встречаются варварские черты, свойственные русским. В свою очередь Роберт Лайал довольно воодушевленно покидает пределы России, и в заключение своих записок восторженно пишет: «Русские, прощайте! Пусть небеса даруют вам скорейшее возвышение в уровне разумности, покажут вам ценность морали, и воодушевят вас на истинную религию» [2, с. 154].

Подводя итог рассмотрению путевых заметок британских путешественников можно сделать вывод, о существовании некоей установившейся схеме изображения жителей Российской империи. Путешественники, обобщая свои впечатления, невольно подчинялись своеобразному интеллектуальному концепту изображения русских. В то же время, путешественники способствовали укреплению в британском обществе стереотипов, связанных с образами Российской империи. Образ жителей российской империи как варварского и угнетенного народа находит в записках путешественников свое истинное воплощение.

Литература

1. Robert Johnston. Travels through part of the Russian empire and country of Poland: along the southern shores of the Baltic. – London, 1815. – 460 p.
2. Robert Lyall. The character of the Russians and a detailed history of Moscow. – London, 1823. – 639 p.

УДК 726.8(31)

Д. П. Шульга

преподаватель кафедры международных отношений и международного сотрудничества, Сибирский институт управления РАНХиГС; 630102, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6; e-mail: alkaddafa@gmail.com.

ПОГРЕБЕНИЯ СКИФОИДНОЙ ОБЩНОСТИ СЯНЬЮЙ В ЦАРСТВЕ ЧЖУНШАНЬ (V–IV ВВ. ДО Н. Э.)

В статье для понимания социокультурных процессов в зоне Евразийского степного пояса рассматривается взаимное влияние погребальных традиций народов на этой территории. Известно, что государства в окрестностях Китая подчас образовывались на базе кочевой культуры, что детально описано целым рядом археологов и востоковедов. Северокитайское царство Чжуншань (V–III вв. до н.э.) не изучено в отечественной историографии. Между тем это прекрасная иллюстрация, как ещё в период Чуньцю (771–450 гг. до н.э.) некоторые некитайские племена в ходе создания своей государственности полностью перенимали культуру Поднебесной. Конечно, хуася Центральной равнины также ассимилировали пришельцев-номадов: те переняли письменность, планировку зданий и гробниц.

Ключевые слова: Чжуншань, погребальная архитектура, межкультурные коммуникации.

D. P. Shulga

Teacher of the Department of International Relations and International Cooperation, Siberian Institute of Management, Russian Academy of Sciences

Author for understanding social and cultural processes in the Eurasian steppe belt zone, considers the mutual influence of these territory peoples' funeral traditions. It is known that the states in the vicinity of China were sometimes formed on the basis of nomadic culture that is described in detail by a number of archaeologists and orientalists. The Northern Chinese Zhongshan kingdom (5th – 3rd century B.C.) has not been studied in domestic historiography. Meanwhile, it's a perfect illustration of some non-Chinese tribes complete adoption of the Celestial Empire political system during the construction of their statehood in the Chongqiu period. Obviously, the Central Plains Huaxia also assimilated the nomad aliens: they adopted the writing and the building and tomb layout.

Keywords: Zhongshan, funeral architecture, intercultural communications.

В современной скифологии всё чаще встаёт вопрос о сопряжении ранних кочевых обществ с цивилизационными центрами от Северного Причерноморья до Китая. История скифских царей (напр., Скилура), тесно взаимодействовавших с греками, неплохо изучена, опираясь на нумизматику, археологические и письменные источники. Увы, представителям постсоветской науки хуже известны примеры взаимодействия китайской цивилизации со скифоидными культурами. Между тем, на северном порубежье Поднебесной складывались целые царства с постепенно китаизировавшейся кочевой элитой и массой населения из «хуася».

Чжуншань – государство, основанное общностью сяньюй из белых ди на завершающей стадии периода Чуньцю (V в. до н. э.) [1, с. 60-65]. История этого государственного образования длинна и местами запутана. Просуществовало оно почти от начала до конца периода Чжаньго (481–221 гг. до н. э.). Примечательно: Чжуншань относилось к «царствам, способным выставить тысячу колесниц», т.е. было достаточно крупным. Письменных сведений об этом государстве не много [2, с. 138]. В 70-х и 80-х гг. XX в. некоторые вопросы о «государстве белых ди» были постепенно сняты вследствие целого ряда археологических открытий на территории провинции Хэбэй. Эти находки чаще всего относятся именно к эпохе Чжаньго.